

Г. Н. Мелехова

Крестные ходы Куликова поля (XIX – XX вв.)

Самобытность русского народа тесно связана со своеобразным характером его религиозности, в частности с присущим ему высоким напряжением духовной жизни, стремлением к религиозному подвигу. Религиозный идеал и служение ему – это для русских, по выражению священника начала ХХ в., тот духовный «черный хлеб», без которого невозможно обойтись даже при наличии множества разносолов¹. Это стремление послужить Господу, которое лишь начинает осмысляться современным обществом, но ярко запечатлелось в творчестве православных религиозных мыслителей и писателей конца XIX – начала ХХ в., осознавшись и российским пастырством.

«Ни один народ не имеет такого разнообразия религиозных подвигов, как народ русский, – писал священник из г. Епифани в 1909 г. – И примечательно, что все эти подвиги придуманы им самим, по его творческой инициативе, а вовсе не по инициативе Церкви. Таковы – хождение по святым местам... оброк – собирание на построение храма, оброк – ношение святых икон по приходу на Пасху, оброк – понедельничать, т. е. поститься по понедельникам, и множество других подвигов для души и Бога. Преклоняясь перед религиозным подвигом, русский народ питает глубочайшее мистическое почитание к лицам, берущим на себя этот подвиг. Его не заставишь, подобно американцу, чувствовать благоговение к силе миллионов, но зато он падает ниц пред добровольной нищетой. Он не пойдет, подобно немцу, совершая культ поклонения великому разуму, но отыщет себе для

поклонения юродивого, добровольно отказавшегося от разума. Для него среди реликвий великих лиц и величайших событий нет ничего священнее лапотка о. Серафима, к которым он прикладывается в слезах религиозного восторга. <...> «Жаждущую мою душу напой благочестия водами» – эти слова церковного песнопения, будучи замечательнейшими в художественном отношении, как бы нарочно придуманы для характеристики именно русского народа...»²

Высота духовной жизни русских имеет и другое проявление: необычайную широту охвата, проникновение религиозных мотивов во все сферы жизни и как следствие богатство православных традиций. Одна из ярких традиций – крестные ходы и связанные с ними молебны, в которых выразился всеобъемлющий, насыщенный, подвижнический и в то же время искренний и сердечный характер веры русских. Эта традиция уходит в глубь веков и всегда была широко распространена по всей России³. Бытовала она и в районе Куликова поля, занимающего части бывших Епифанского и Богоодицкого уездов Тульской губернии (ныне Куркинского, Кимовского и Богоодицкого районов Тульской области).

Во время крестных ходов носили особо почитаемые иконы, которых в храмах Тульской губернии было много. В документах начала ХХ в. в некоторых благочиниях указано более десятка местных святынь, и их перечень занял многие страницы⁴. Но почитались иконы по-разному: одни – в самом храме (поклонением, молебнами, пением

¹ Василий Ивановский, свящ. Народный идеал пастыря и реформа пастырской школы: (Из церковно-общественной жизни) // Тульские епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). 1909. № 1 – 2. С. 2.

² Там же. С. 3 – 5.

³ Романов Г. А. Крестные ходы в Москве во образ вселенского богослужения // Москва: 850 лет. Т. 1. Кн. 1. М., 1996. С. 174 – 193; Он же. Семисоборная организация крестных ходов в Москве XVI века // Этнографическое обозрение. 1997. № 5. С. 46 – 60; Он же. Русские крестные ходы // Исторический вестник (далее – ИВ). М.; Воронеж. 1999. № 1. С. 20 – 24; Он же. Современные крестные ходы // Материалы Международного научного симпозиума «Православие и культура этноса». (ИВ. 2001. № 13 – 14. С. 180 – 193); Спасенкова И. В. Традиции крестных ходов в православной культуре русского города в 1920-е годы (по материалам г. Вологды) // Там же. С. 194 – 200; Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 21 – 53, 127 – 130.

⁴ Государственный архив Тульской области (далее – ГАТО). Ф. 3. Оп. 8. Д. 120. Л. 5 – 86.

акафистов), другие, – кроме этого, в определенное время «торжественным шествием, с колокольным звоном... при громадном стечении усердно молящихся» носились по улицам, домам и полям⁵. Такие крестные ходы, устраиваемые в связи с изнесением из храма почитаемой иконы, и рассматриваются в настоящей статье.

* * *

Хождение с особо почитаемой, часто явленной, чудотворной иконой и служение перед ней молебнов, в ходе которых испрашивались милости, возносились благодарности, освящались сельскохозяйственные угодья, селения, дома, люди, – это многовековая общественная (приходская или межприходская) православная традиция. В XVIII – XIX вв. такая практика была оформлена юридически: в соответствии с Указом Святейшего Синода от 6 апреля 1744 г. и со статьей 19 Устава 1876 г. разрешалось «по требованиям христолюбивых желателей приносить из церквей и монастырей в дома святые иконы, но только не иначе как на руках или в каретах и без громогласного по улицам пения. <...> На извоющих поспусках или же санях отнюдь не возить»⁶, то есть возить иконы на крестьянских повозках было нельзя.

Крестные ходы с иконами своих приходских церквей, с молебнами в домах, на источниках, на перекрестках, у часовен, на полях, устраивались повсеместно. Поводом для них служил праздник данной иконы или чрезвычайное событие: засуха, град, эпидемия, эпизоотия, нападение вредителей. Сообщая в начале ХХ в. об «особо чтимых древних чудотворных иконах», благочинные довольно часто замечают, что икону «берут по домам» или она «носится по домам» (несомненно, крестным ходом), «ходят по приходу с иконой и служат молебны в каждом доме», «совершается торжественное богослужение с крестным ходом к часовне над колодезем, где, по преданию, икона явилась». Интересно известие из Белевского Спасо-Преображенского монастыря об иконе Тихвинской Божией Матери, которая «носится по кузницам», – была и такая традиция⁷. Не требовавшие особого разрешения и устраивавшиеся по внутриприходской (священника с прихожанами) договоренности, эти крестные ходы не всегда фиксировались в документах.

Примечательным является подробное описание начала XIX в. ряда крестных ходов в г. Епифани в связи с бездождием: 4, 5, 6 и 8 июня 1811 г. свя-

щенник Никольского собора «не по чьей-либо просьбе, а единственно по усердию своему с начатия воскресного дня... ходил со святыми образами для испрашивания о ниспослании от Господа Бога дождя». Это происходило после литургии: священник, дьячок (чтец) и пономарь «со множеством народа, припадающего на колени и просящего от Всевышнего милости дождя на землю», в том числе с управляющим помещичьим имением, городничим, казначеем (они несли чтимые иконы Николая Чудотворца и Божией Матери «Троеручица»), выходили на площадь и шли Красной слободой к кладбищенской церкви, где святали воду и кропили народ. Потом шли городским выгоном до городского рубежа (до р. Дон), и там «в благопристойных местах с коленопреклонением испрашиваемы были милости». Возвращались обратно тем же городским рубежом, повернув на тракте к собору; «идучи, останавливаясь в пристойных местах с коленопреклонением, [священник] читал положенные молитвы»⁸.

Описание этого хода ярко выявляет его соборный и оградительный характер: святыни обносят по границам прихода и города, доносят до водного рубежа; в соборное моление включено множество народа, независимо от того, что инициатором его был священник; наряду с крестьянством представлена местная власть; молятся все живые и усопшие – недаром на кладбище совершался водосвятный молебен. Почти через 100 лет (в 1901 г.) благочинный 1-го Епифанского округа опять указал образ свт. Николая среди святынь, чтимых «не только жителями округа, но и отдаленными богохульцами»⁹.

О распространенности внутриприходских крестных ходов рассказал один из благочинных священников Тульской губернии начала ХХ в. в трогательной корреспонденции: «У нас, в деревнях, весною бывают крестные ходы на поля. Отсевавшись весенними посевами, в прекрасную майскую погоду, после Божественной литургии, торжественно, в сопровождении скромных и благочестивых обывателей известной деревни, направляется крестный ход в их поля, где совершается молебствие, поля именем Божиим, крестообразно, на все четыре стороны священником благословляются и окропляются святою водою. Крестный ход обходит поля кругом, и затем на красивой возвышенности или на опушке леса устроется трапеза любви. Домохозяева, кто богат и рад, прино-

⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 120. Л. 12.

⁶ Там же. Д. 589. Л. 9, 9 об.

⁷ Там же. Д. 120. Л. 7, 12 об., 36, 45.

⁸ Там же. Оп. 2. Д. 510. Л. 1 – 1 об.

⁹ Там же. Оп. 8. Д. 120. Л. 55.

сят лучшее съестное и винца. Сначала угощается духовенство, затем трапезуют сами обыватели деревни... <...> ... Овсянки, дрозды, скворцы, синицы, щеглы, чижи, соловьи, жаворонки под небесами, горлинки в глухой тени, грачи поют свои жизнерадостные песни; остается только молча прислушиваться и благоговеть перед красотою дарового концерта...»¹⁰

Такие крестные ходы на поля для освящения посевов, а также ржи перед ее уборкой устраивались и на память наших современников. Вообще традиция хождения по приходу с храмовыми святынями не прерывалась в течение всего XX в. и дошла до наших дней (там, где храмы ныне действуют). При полевых этнографических исследованиях зафиксированы совершившиеся в 1920 – 30-е гг. крестные ходы с особо почитаемыми иконами из приходского храма, а позже – со своими домашними иконами. Старейшая жительница района Куликова поля Ольга Кузьминична Мачкова (д. Тужиловка), родившаяся в 1903 г. и жившая до замужества в д. Гороховке, ходила встречать Николая Угодника в центр прихода – с. Красные Буйцы: «Деревня Гороховка подавала в церковь заявку, чтоб Николая Угодника принесли, когда дождя не было, в Красные Буйцы. Мужчин тогда не было, на войне были, в войну это было¹¹. <...> Я и другая женщина, мы шли и несли [образ]. Был молебен, святой воды все брали, и батюшка служил. Много тебе рассказывать. <...> Некоторые, какие больные, ложились, чтоб на поясницу ставили, может, полегче было. Потом на место несли, в Красные Буйцы. [Образ] с эту дверь вышины – не резной, нарисован».

Порой такие крестные ходы с приходскими святынями растягивались на несколько дней. В них участвовали и по обету, который давали по слуху болезни, несчастья, неурядиц. Вот рассказ, относящийся к детству старейшей жительницы Епифани Надежды Ивановны Климовой (1909 г. р.): «Казанскую Божью Мать¹² они носили. Они по деревням ходили. Также молебен служили, также водой брызгали, также молились все. По деревням вокруг Епифани. Ходили дней пять. <...> Ходила Елена [тетка], носила икону. У нее болел желудок, и она всегда говорила: «Хоть бы чего мне сделать такое Богу, чтобы, говорит, польза была, может быть, у меня и желудок болеть не будет». И удалось. Она приходила [к нам]. Бывало, мама скажет: «Елена, небось устала?» – «Нет, – говорит, – не

Ил. 1. Резная икона свт. Николая из частного дома с. Себино.
Фото автора. 2001 г.

устала. Ничего, – говорит, – не устала. Так, – говорит, – хорошо ходила». И всегда приносила хлеб, ведь там дают: кто пышку, кто чего. И всегда принесет нам, ребятам: это вот Боженька прислал, это оттуда вот. А когда несут икону, прямо так интересно. Ой, народу, и все прям так вот падают на колени и целуют икону. А люди несут по них, над ними». По разъяснению Надежды Ивановны, просьба жителей могла касаться любой иконы приходского храма: «Царицы Небесные – вот всякие [иконы]. Вот чей праздник – там Казанская или Скорбящая Божья Матерь, – так берут икону в деревню, служат там молебен и несут ее на руках женщины. В любую [деревню], какая попросит. Деревня просит: «Батюшку нам, и отслужить»».

И прихожане Галевского прихода (из д. Бабанино) помнят, что «иконы приносили из Галевки, когда засуха и к празднику. Никола – праздник [престольный], в этот день обязательно ходили [с

¹⁰ Александр Успенский, свящ. Древонасаждение: (Из епархиальной хроники и корреспонденции) // ТЕВ. 1900. № 12. С. 507.

¹¹ Вероятно, в гражданскую войну, до замужества или в первые годы семейной жизни О. К. Мачковой, так как в 1930-е гг. храм в с. Красные Буйцы, как и другие, был закрыт.

¹² Не забыла ли Надежда Ивановна (ведь в то время она была ребенком) и не несли ли прихожане образ Богородицы «Троеручица», упоминаемый в приведенном рассказе священника начала XIX в.?

иконой]». Жители с. Себино носили до Дона (за 3 километра) связанную с памятью жившей в этом селе блж. Матроны Московской икону Богоматери «Взыскание погибших»¹³. На берегу, у Гремучего колодца, они «молились, чтобы пошел дождь. <...> Под иконой проходили; проходишь – исцеляешься. Несут ее двое. Возьмешь икону, и на руке легче становится». И после войны, по многочисленным свидетельствам, ходили по деревням и полям, а в праздники, если приходил священник, и по домам с иконами.

Считалось, что благодать иконы осеняет несущего ее, поэтому те, кто не имел возможности нести длительное время, просили понести ее хотя бы малое расстояние. Во время крестного хода все – и дети, и взрослые – стремились пройти под иконой, а некоторые и не по одному разу. Как рассказывают в д. Красное, «раньше по деревне носили иконы в праздник и когда дождя замаливают. Все под иконой проходили – и дети, и взрослые, все – по разу, а я – хошь три. И сама Божью Матушку носила»¹⁴.

Интересно сообщение жительницы Епифани Антонины Дмитриевны Кузьминой (1909 – 2000) о том, что д. Мельгуново, приписанная к городской церкви вмч. Георгия, имела в ней свою икону: «Всякие иконы были. И иконы большие, вот с эту дверь. И Николай Угодник, и Казанская, и Иверская, и все. А вот эта, «Спорительница хлебов», была наша, мы – прихожане были Егорьевской церкви. <...> Мы сюда ходили. Все иконы [были], но токо я вот помню «Спорительницу хлебов»: большая икона, небо голубое. И сноп там – ржаной или какой, и на этом снопу Божья Мать». Эту икону в числе других в Духов день духовенство и прихожане Георгиевской церкви крестным ходом несли к часовне в д. Мельгуново, возле которой происходило освящение полей и скота: «Часовенка стояла на поле. Кончается деревня, на поле там луг, а около луга эта часовня, и за этой часовней поле. И вот на Духов день – после Троицы Духов день бывает – там молебствия была, скотину гоняли, прогоняли лошадей, коров, в общем всех. И батюшка кропил святой водой. Иконы выносили все из храма, из Егорьевской церкви. Отсюда несли туды святые иконы. И вот там, знаете, делали водосвятие. И поля освящали»¹⁵.

Нередко носимая крестным ходом икона не совпадала с посвящением престола: в с. Екатерининском в день св. пророка Илии (20 июля ст. ст.) причт ходил по приходу с иконой этого пророка и служил молебны в каждом доме (1901 г.); этот день чтили как престольный праздник, хотя такого престола в храме не было. А икону Богоматери «Троеручица» из с. Хованщина, хотя в храме был престол во имя этой иконы, напротив, по домам не носили. Это особо указал благочинный, в то же время отметив, что «не только прихожане с. Хованщины считают своим долгом почтить этот день и отслужить в храме молебен перед чтимою иконой, но жители и окрестных сел и деревень, верст на 18 вокруг, собираются под этот и в этот день в с. Хованщину для служения молебнов»¹⁶. Многолюдность и значимость праздника иконы Богоматери «Троеручица» уже в наше время зафиксирована при полевых исследованиях¹⁷.

В храмах Тульской земли имелись широко почитаемые иконы, известные далеко за пределами своих храмов; ими стремились обнести селения и угодья жители не только своих, но и других, часто весьма отдаленных приходов. Для изнесения иконы в другие приходы Тульская консистория выработала определенные правила (утверждены в 1894 г.): каждый случай требовал разрешения епархиального начальства, для одного селения допускался срок не более недели. Причт имел книгу «для записей отпусков»¹⁸. Как свидетельствуют архивные документы и материалы полевых исследований, обычно такие крестные ходы устраивались в начале лета (в мае – июне) и осенью (в сентябре – ноябре). Чаще всего носили икону Богоматери, несколько реже – икону Николая Чудотворца. Из зафиксированных в консисторских документах начала XX в. 12-ти носимых по разным приходам икон: 9 – иконы Богоматери (из них 4 Владимирские и по одной иконе Иверской, Смоленской, «Знамение», Боголюбской, Скорбящей Божией Матери), 2 – свт. Николая, 1 – свт. Феодосия Черниговского¹⁹.

По архивным материалам, наиболее часто износимыми из своих родных храмов были иконы: Владимирская Божией Матери из с. Гречево (Смоленское), Непрядвинской вол., Богородицкого у. (к ней относится почти половина всех выявленных

¹³ Икона Богоматери «Взыскание погибших» была написана по указанию блж. Матроны.

¹⁴ Мелехова Г. Н. Отчет этнографической экспедиции в Епифань и район Куликова поля. 1998 – 1999 гг. (далее – Отчет 1998 – 1999 гг.). Раздел «Православие». С. 28 – 29: *Она же*. Отчет этнографической экспедиции в район Куликова поля. 2000 г. (далее – Отчет 2000 г.). Раздел «Православие». С. 92 // Архив Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле».

¹⁵ Мелехова Г. Н. Отчет 1998 – 1999 гг. Раздел «Православие». С. 23.

¹⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 120. Л. 36.

¹⁷ Мелехова Г. Н. Отчет 1998 – 1999 гг. Раздел «Православие». С. 17.

¹⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 589. Л. 14, 17 – 17 об.

¹⁹ Там же. Д. 334. 589. 914. 930. 1427.

прощений, в том числе телеграфных), Владимирская Божией Матери из с. Новгородское, Богородицкого у. (ее просят примерно в каждом пятом из выявленных прощений), и святителя и чудотворца Николая из соборной Николаевской церкви г. Епифани (примерно десятая часть прощений)²⁰.

Для получения разрешения принести икону крестьяне селения, которое хотело ее принять, собирали сход и составляли приговор с обоснованием просьбы. Таких приговоров и прощений сохранилось немало. Одно из них – прошение прихожан Никольской церкви с. Буйцы 1909 г.: «По примеру давних лет... осмеливаемся ходатайствовать и ныне о поднятии чудотворной иконы святителя Николая из собора г. Епифани в нашу сельскую церковь и в наш приход для молебствий по домам и полям нашим. Покровитель и святитель наш да утешит нас и ныне своим посещением и да не оставит нас своим милосердием»²¹.

В начале XX в. нередко, особенно в случаях, когда чтимая икона уже вынесена из своего храма, крестьяне или священник селений, находящихся на пути иконы, ограничивались краткими прошениями, посыпаемыми по телеграфу, при этом, помимо своей телеграммы, оплачивался ответ консистории в 10 слов. Многочисленные телеграммы прошения поныне хранятся в архивных делах: «Прихожане села Клекоток просят разрешения принять икону святителя Николая из Епифанского собора на 5 дней в благодарность за избавление [от] градобития [в] минувшее лето» (1902 г.); «Благословите, Владыко, принять в наше село Никольское Птань чудотворную икону Владимирской Божией Матери» (1904 г.); «По желанию всех прихожан прошу архиастырского благословения взять икону Владимирской Божией Матери из села Новгородского» (1906 г.); «Разрешите, Владыко, взять икону святителя Николая из Епифанского собора в село Муравлянку для молебствий» (1909 г.)²².

Как правило, прихожане получали положительный ответ.

Почти всюду традиция перенесения икон, начало которой было положено в давние годы по обету крестьян, данному в связи с избавлением от какой-либо напасти, становилась ежегодной²³.

Под покровительством Владимирской иконы Божией Матери из с. Грецово (Смоленское) Бого-

родицкого у. находилась значительная территория на севере центральной части Тульской губернии: с ней часто и подолгу (порой несколько месяцев подряд) ходили, передавая друг другу, жители селений Богородицкого, Веневского (в том числе г. Венева), Крапивенского, Тульского у.; заносили ее и в Епифанский у. (в северную часть, в том числе в г. Епифань). Как выяснила консистория в 1860-е гг., «эта икона носится по домам как своего прихода, так и в чужие приходы издавна по установленному обычаю»²⁴. Для изнесения этой иконы еще до утверждения общих правил были разработаны специальные правила. В 1909 г. причт Грецовской церкви выхлопотал себе разрешение выносить святую икону в соседние приходы без особого соизволения, ибо они «стесняются испрашивать на каждый отдельный случай разрешение Его Преосвященства, т. к. это сопряжено для крестьян с большими расходами и тратою времени»²⁵.

Несомненно, что встречи с иконой не ограничивались отмеченными в прошениях селениями. Из телеграмм видно, что некоторые из них отправлены из селений, которые находятся вблизи тех, где в данный момент находится чтимая икона. Кроме того, поскольку икону несли на руках и шли пешком, в крестный ход включалось население всех расположенных на пути деревень. Об этом рассказывали жительницы д. Полибино: не помня, какую икону, откуда и куда несли («чужие несли», «чьи-то дальние»), они сообщали, что пристраивались к проходящим через их деревню и проходили под несомой иконой: «Несли в Данков. Чужие несли; прошла под иконой, и все. Рязанцы несли – может, Божью Мать?»; «Я не знаю, откуда и куда. Тут по деревне они прошли с нею, а дальше я не знаю. Думается, как Божья Мать была, большая»²⁶.

Другая святыня, окормлявшая южную часть Тульской губернии, – Владимирская икона Божией Матери из с. Новгородского Богородицкого у. Почитание ее было столь велико, что жители стремились закрепить за собой право брать икону ежегодно, в определенный день или месяц, и упростить порядок получения разрешения на принятие иконы. Так, в 1905 г. крестьяне с. Михайловского (356 домохозяев, на сходе присутствовало 273) «имели суждение о том, чтобы высокочтимую икону Владимирской Божией Матери, что в селе Но-

²⁰ Точные цифры таковы: из 59 прощений 27 (45,8 %) относятся к Грецовской иконе, 16 (27 %) – к чтимым иконам из разных селений и монастырей, 11 (18,7 %) – к Новгородской иконе, 5 (8,5 %) – к Епифанской иконе свт. Николая.

²¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 1427. Л. 11.

²² Там же. Д. 334. Л. 18; Д. 589. Л. 18. Д. 930. Л. 17; Д. 1427. Л. 10.

²³ ТЕВ. 1903. № 10. С. 336 – 337.

²⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 589. Л. 13.

²⁵ Там же. Д. 1427. Л. 26.

²⁶ Мелехова Г. Н. Отчет 2000 г. С. 93.

иконой»]. Жители с. Себино носили до Дона (за 3 километра) связанную с памятью жившей в этом селе блж. Матроны Московской икону Богоматери «Взыскание погибших»¹³. На берегу, у Гремучего колодца, они «молились, чтобы пошел дождь. <...> Под иконой проходили; проходишь – исцеляешься. Несут ее двое. Возьмешь икону, и на руке легче становится». И после войны, по многочисленным свидетельствам, ходили по деревням и полям, а в праздники, если приходил священник, и по домам с иконами.

Считалось, что благодать иконы осеняет несущего ее, поэтому те, кто не имел возможности нести длительное время, просили понести ее хотя бы малое расстояние. Во время крестного хода все – и дети, и взрослые – стремились пройти под иконой, а некоторые и не по одному разу. Как рассказывают в д. Красное, «раньше по деревне носили иконы в праздник и когда дождя замаливают. Все под иконой проходили – и дети, и взрослые, все – по разу, а я – хошь три. И сама Божью Матушку носила»¹⁴.

Интересно сообщение жительницы Елифани Антонины Дмитриевны Кузьминой (1909 – 2000) о том, что д. Мельгуново, приписанная к городской церкви вмч. Георгия, имела в ней свою икону: «Всякие иконы были. И иконы большие, вот с эту дверь. И Николай Угодник, и Казанская, и Иверская, и все. А вот эта, «Спорительница хлебов», была наша, мы – прихожане были Егорьевской церкви. <...> Мы сюда ходили. Все иконы [были], но токо я вот помню «Спорительницу хлебов»: большая икона, небо голубое. И сноп там – ржаной или какой, и на этом снопу Божья Мать». Эту икону в числе других в Духов день духовенство и прихожане Георгиевской церкви крестным ходом несли к часовне в д. Мельгуново, возле которой происходило освящение полей и скота: «Часовенка стояла на поле. Кончается деревня, на поле там луг, а около луга эта часовня, и за этой часовней поле. И вот на Духов день – после Троицы Духов день бывает – там молебствия была, скотину гоняли, прогоняли лошадей, коров, в общем всех. И батюшка кропил святой водой. Иконы выносили все из храма, из Егорьевской церкви. Отсюда несли туды святые иконы. И вот там, знаете, делали водосвятие. И поля освящали»¹⁵.

Нередко носимая крестным ходом икона не совпадала с посвящением престола: в с. Екатерининском в день св. пророка Илии (20 июля ст. ст.) причт ходил по приходу с иконой этого пророка и служил молебны в каждом доме (1901 г.); этот день чтили как престольный праздник, хотя такого престола в храме не было. А икону Богоматери «Троеручица» из с. Хованщина, хотя в храме был престол во имя этой иконы, напротив, по домам не носили. Это особо указал благочинный, в то же время отметив, что «не только прихожане с. Хованщины считают своим долгом почтить этот день и отслужить в храме молебен перед чтимою иконой, но жители и окрестных сел и деревень, верст на 18 вокруг, собираются под этот и в этот день в с. Хованщину для служения молебнов»¹⁶. Многолюдность и значимость праздника иконы Богоматери «Троеручица» уже в наше время зафиксирована при полевых исследованиях¹⁷.

В храмах Тульской земли имелись широко почитаемые иконы, известные далеко за пределами своих храмов; ими стремились обнести селения и угодья жители не только своих, но и других, часто весьма отдаленных приходов. Для изнесения иконы в другие приходы Тульская консистория выработала определенные правила (утверждены в 1894 г.): каждый случай требовал разрешения епархиального начальства, для одного селения допускался срок не более недели. Причт имел книгу «для записей отпусков»¹⁸. Как свидетельствуют архивные документы и материалы полевых исследований, обычно такие крестные ходы устраивались в начале лета (в мае – июне) и осенью (в сентябре – ноябре). Чаще всего носили икону Богоматери, несколько реже – икону Николая Чудотворца. Из зафиксированных в консисторских документах начала XX в. 12-ти носимых по разным приходам икон: 9 – иконы Богоматери (из них 4 Владимирские и по одной иконе Иверской, Смоленской, «Знамение», Боголюбской, Скорбящей Божией Матери), 2 – свт. Николая, 1 – свт. Феодосия Черниговского¹⁹.

По архивным материалам, наиболее часто износимыми из своих родных храмов были иконы: Владимирская Божией Матери из с. Гречово (Смоленское), Непрядвинской вол., Богородицкого у. (к ней относится почти половина всех выявленных

¹³ Икона Богоматери «Взыскание погибших» была написана по указанию блж. Матроны.

¹⁴ Мелехова Г. Н. Отчет этнографической экспедиции в Епифань и район Куликова поля. 1998 – 1999 гг. (далее – Отчет 1998 – 1999 гг.). Раздел «Православие». С. 28 – 29; Она же. Отчет этнографической экспедиции в район Куликова поля. 2000 г. (далее – Отчет 2000 г.). Раздел «Православие». С. 92 // Архив Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле».

¹⁵ Мелехова Г. Н. Отчет 1998 – 1999 гг. Раздел «Православие». С. 23.

¹⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 120. Л. 36.

¹⁷ Мелехова Г. Н. Отчет 1998 – 1999 гг. Раздел «Православие». С. 17.

¹⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 589. Л. 14, 17 – 17 об.

¹⁹ Там же. Д. 334. 589. 914. 930, 1427.

вагородском... брать Ее к себе ежегодно 6 мая»²⁷. Сход избрал уполномоченных – сельского и церковного старост, отвечавших за исполнение этого «суждения».

Ил. 2. Красный угол в одном из домов с. Куликовка. Икона – видимо, Патриарх Гермоген, по предположению хозяев – из Куликовской церкви. Фото автора. 2001 г.

Одно из чудес от этой иконы произошло в 1900 г. в с. Солодилове Богородицкого у. Тульской губ.: весной, когда более месяца не было дождя, крестьяне «собрали сход и единодушно согласились просить... разрешения принести чудотворную икону Владимирской Божией Матери, находящуюся в недалеком селе Новгородском...<...> 21 мая в 3 часа пополудни прихожане собрались к храму, чтобы отсюда с местными иконами идти навстречу чудотворной иконе... за село – в поле, где был приготовлен стол и чаша для молебна и водосвятия; жалкий вид поля наводил уныние». В поле «отслужили молебен и с пением богоугодников направились в храм», где началось всенощное бдение. «Лишь только началась служба, и теплю молитвою возносилось прошение “дождь волен и

тучу мирную подаждь земли”, как сверкнула молния, непосредственно раздался оглушительный удар грома с такою силою, что все присутствующие затрепетали... обильный дождь-ливень с грозою пролил в течение 3-х часов, ровно до окончания службы. Эта чудесная благодать, по недостойным молитвам, поразила всех до слез». После этого в течение 10 дней в храме служили ежедневно, и он был «полон молящихся», каждый дом «считал за обязанность принять у себя икону и отслужить молебен», причем все время шел дождь. Наконец «масса народа, от мала до велика, собралась проводить святую икону в соседний приход с. Рождествена, а возвращаясь домой, дали обет ежегодно брать ее в село»²⁸.

Память об этой иконе дошла до наших дней и зафиксирована при полевых исследованиях летом 2000 г. в селах Кресты, Михайловское²⁹. Однако, по сообщениям нынешних жителей, в советские годы не икону носили в село, а сами ходили (за 20 километров) в селение Новгородское (другое название с. Владимировка), вернее, на источник поблизости от села, где явилась икона. Вот как об этом рассказывают в Крестах: «Там источник. Может, она, церквь-то, тама и была, только ее, Божью Матерь, носили прямо на руках, такую сделали... чтоб ее носить, – она, Божья Матерь, большая. Ее несли четверо. Она явилась на колодце, там Владимируска. <...> Прям подносят ее суды, и молебен. И бабы поют. А вот я забыла, что был батюшка-то аль нет. Тут мы ходили, тут все – гонения какая-то была. <...> Принесут, поют бабы все, а потом обратно ее несут. Новгородская – вот так. Там была, значит, церквь-то. Вот. На место ее становят. [...] Туда ходили] на праздник; и просто на праздник, и, может, обрёк был».

Традиция изменилась не в связи с разрушением церквей в советское время, а еще раньше – после того, как в один год икона «не пошла» в Кресты: «[Когда принесли], и такая пошла гроза, такой дождь, и в это [место], где стояла икона, вдарила гроза. Икону не потревожило, но все уже так [напугались]». Это событие было воспринято как нежелание иконы «ходить» в с. Кресты. Поэтому стали ходить на источник в Новгородское сами; это совершили еще и после войны – на праздник, в засуху, по обету, для исцеления, за советом.

Рассказывают о бывших от этой Владимирской иконы Божией Матери исцелениях, в частности, получила исцеление больных глаз жительница с. Кресты, тогда ребенок: «И вот меня мама повела: “Нюша, пойдем”. Эту самую Божию Матерь

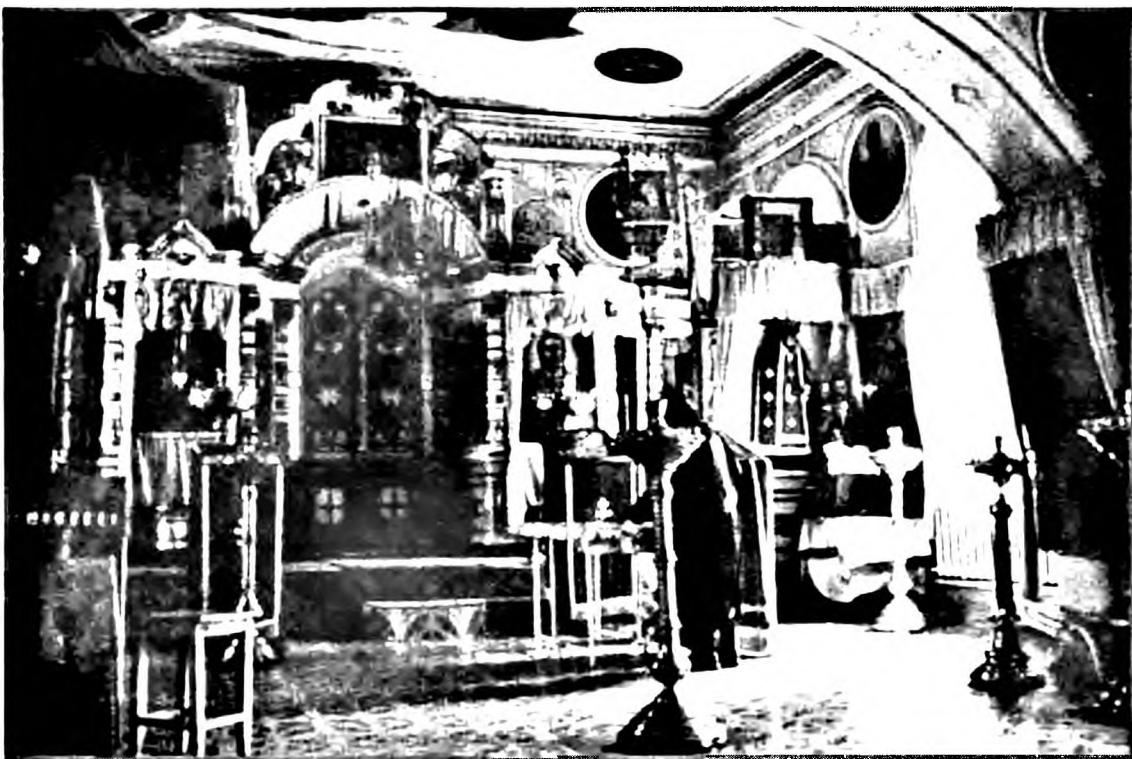
²⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 930. Л. 4 – 6 об.

²⁸ Чудеса наших дней // ТЕВ. 1900. № 13. С. 541 – 542.

²⁹ Мелехова Г. Н. Отчет 2000 г. С. 85 – 86.

понесли, Владимирскую, в колодец опускать. «Нюша, погляди в колодчик, в колодец». Я поглядела, и сразу увидала, у меня просияли глазки. «Мама, какая там икона большая, и на цепях», – вот такие цепи толстые. В церковь мама меня повела, полотенчиком глазки мне потерла. И вот, помилуй Бог, с этих пор и прошло. <...> Чудо, да. Годов 10, наверное, мне было. <...> И помилуй Бог,

Вот мы-то, собравшись, ходили после войны, дети уже были [у меня]. Народу много было, далеко туда идти. Ну, тогда я молодая еще была. Там собирается много, молются Богу, а мы что, и мы ходили. Там столько икон-то, все несут на этих, на палках, иконы-то. А туды большинство ходят кто – кто болеет, инвалиды. Вот и я ходила: приехала сюды, все время болела»³⁰.

Ил. 3. Церковь св. Иоанна Предтечи в г. Епифань. Интерьер. Справа, в киоте, – резной образ свт. Николая (в облачении), который в начале XX в. носили по деревням. Фото автора. 2001 г.

с этих пор вот я очки не ношу, всю жизнь проработала, газеты читала...» Это чудо в селе вспоминают неоднократно: «Наши все – мы-то все молодое называется поколение, – а старшие, как вот засуха, пойдем, говорят, к Владимирской, – старые женщины, – помолимся. <...> Я не ходила, мама не ходила, а крестная моя ходила, отцова сестра. У нее дочка была с [19]21 года [рождения], голодные времена были, она была слепая. А щас вон живет, уже ей 80 лет – не слепая. Водила ее к этому источнику, умывалася, натиралася, и, говорят, от этого полегче стало. <...> Я на 11 лет ее моложе, давно ничего не вижу без очков, в очках [хожу], а она без очков».

К Владимирской иконе Божией Матери ходили и после войны: «Там колодец такой есть, речка.

Район собственно Куликова поля находился под покровительством резного образа святителя и чудотворца Николая из соборной Николаевской церкви г. Епифани. История Епифанского образа свт. Николая уходит в глубокую древность. В опубликованном в 1873 г. в «Тульских епархиальных ведомостях» предании рассказывается, что икона Николая Чудотворца воспрепятствовала продвижению на Куликово поле литовского князя Ягайло, шедшего на соединение с Мамаем³¹. Это предание помнят сегодня в таком виде: «Говорили, якобы везли Николая Угодника. Против этого места икона остановилась. Значит, надо храм строить»; «Часовню эту поставили тогда, когда везли Николая Угодника, икону. Икону везли, и лошади не пошли дальше. Выпрягали, запрягали, и ни в

³⁰ Мелекова Г. Н. Отчет 2000 г. С. 85 – 86.

³¹ ТЕВ. 1873. № 11. Прибавления. С. 383 – 391

какую. Тут заложили маленькую часовенку, там Николая Угодника икона и кружка. Икона – деревянная, вырезанная из дерева»³². Сразу после революции часовню сломали, а образ перенесли в собор.

Этот образ свт. Николая, богато украшенный, был очень тяжелым («одна риза весила пуд 22 фунта»). Когда советская власть в связи с кампанией «Помощи голодающим Поволжья» забирала из церквей предметы из драгоценных металлов, причт Епифанского собора сумел уберечь этот образ от разграбления, откупившись другими вещами. «Мы даже когда откупались, смошенничали, – передает рассказ кого-то из причта епифанка Мария Васильевна Маслова (1912 г. р.), – сказали, что [риза свт. Николая весит] 22 фунта, а на самом деле 1 пуд 22 фунта». Но вскоре (около 1922 г.) пришедшие утром в храм обнаружили образ лежащим на полу «раздетым», ограбленным, после чего и был обнародован подлинный вес ризы. Воров не нашли; поговаривали, что грабители – сама местная власть. После этого образ, облаченный в парчовое одеяние, еще некоторое время находился в соборе. С закрытием собора следы его теряются³³.

Как разъясняет Мария Васильевна, выносным был другой, меньший резной образ свт. Николая, который находился тоже в соборе – то ли в алтаре, то ли в приделе: именно его носили по куликовским деревням, и именно он ныне находится в действующей кладбищенской церкви.

В 1904 г. прихожане Николаевской церкви с. Муравлянка в «покорнейшем прошении» писали: «После градобития, бывшего у нас лет 20 назад, было обещание ежегодно в летние месяцы приносить из соборной церкви г. Епифани икону святителя и чудотворца Николая в наш приход, что исполнялось нами каждый год. В прошлом же году, как говорили, эта икона ремонтировалась, и мы не ходатайствовали о разрешении отпустить ее к нам. В нынешнем году с начала весны и по сие время мы испытываем большую нужду в продовольствии как себя, так и скота, и думаем, что это оттого, что в прошлом году не принимали икону. Покорнейше просим Ваше Преосвященство разрешить отпуск в наш приход чудотворной иконы святителя Николая, что в соборной церкви г. Епифани». Под прошением подписались «землевладелица» и крестьяне³⁴.

И сегодня, спустя чуть не 100 лет, о чудотворном резном образе свт. Николая, который «выписывали» в селения из Епифани весной – в начале лета, помнят в самой Епифани и слободах вокруг нее, в селах Монастырщине, Муравлянке, Бахме-

тьеве и др. Вот как рассказывают об этом: «Выписывали из Епифани Николая Угодника и носили его по деревням весной. Население деревни встречало его, заносили во дворы, в дома, батюшка служил»; «Николая Угодника носили по деревне. Я помню, рядом с нами проходила дорога. Икона больше метра шириной. Шли, пели, женщины кладут детей впереди, чтоб над ними пронесли. Я тогда еще не училась, году в [19]26. По деревне несли. Ходили, кто постарше, его встречать, к Епифани, километров 10. Сначала шли [с иконой] в Задоновку, потом к нам». Многие вспоминают, что почитаемый образ свт. Николая выходили встречать и провожать всей деревней за 5 – 10 километров. С молитвами образ несли по деревне, заносили во дворы, проносили над склонявшимися в земном поклоне крестьянами и положенными на дорогу младенцами, даже приставляли к каждому из крестьян, им лечили душевнобольных. Так Николай «Чудотворчик» ежегодно «обходил» все деревни еще в 1920-е гг.

Вот рассказ Татьяны Ивановны Лудининой (1913 г. р., д. Старая Гать): «Бывало, как нету дождя долго вот – до Троицы дождя нету, – щас собирается народ, пройдет одна деньги соберет, и идем в церкву. В церкву приходим, там, в церкви, молебен отслужим, а потом этого Николая Угодника – ну, молодые все собирались, лет по 30 там, – вот сколько раз приносили оттуда, из Епифани, Николая Угодника. И собирали молебен – вот щас мы [это место] зовем загоны – около ржи, рожь где посеяна, там молебен служили. <...> Носили [икону] все женщины, я не помню, чтоб мужчины. <...> Я, бывало, Николая Угодника несу – бабы в колхозе, и вот так вот, [как] маленькие [становились], вот так вот, вот друг на дружке насядут, насядут на четвереньки. И несут [над ними]».

А. Н. Штукина из Бахметьева тоже помнит обход с образом святителя Николая: «Пойдут в церкву, возьмут икону, и к себе там пойдут. Там послужат у себя, а оттуда идут по полям, и там опять несут его. А его встречают, звонят. <...> Николая Угодника несут – все садятся на коленочки. Он проходит, дальше идут».

Интересный, связанный со встречей Николая Угодника в 1921 – 1922 гг. эпизод рассказала Мария Матвеевна Латышева (1915 г. р.), которой в то время было 6 – 7 лет: «Ходила Николая Угодника встречать в Хуторя. Далеко отсюда, туды за Куликово поле, еще туды подальше. Мы ходили встречать. Вот дошли мы, немного до Хуторей не дошли. И его уже несут, Николая Угодника, от

³² Мелехова Г. Н. Отчет 1998 – 1999 гг. Раздел «Православие». С. 2.

³³ Полевые материалы автора. 2001 г. Тетр. 5. С. 150 – 151.

³⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 589. Л. 6 – 6 об.

Хуторей. Икона Николая Угодника, большущая-пребольшущая, деревянная, так она ходила по этим всем районам, по всем церквям. Вот в нашу церковь шли. Значит, ой, несут. Двою так вот держат, а третий сзади поддерживает. Я знаю, что три мужика шли. А мы ходили все с иконочками. Иконы брали отсюда, с иконами встречали. А я думаю, положено всем иконы брать. И я с окна взяла и себе тоже и иду с иконой. Вперед в церкви сбор-то был. Пошли после службы. Ну, он служил очень мало. Мы так уж выбирали специально. Пряム заутреня даже не кончилась, батюшка сказал: "Все, православные, службу на этом кончаем. Пойдем встречать Николая Угодника". Мы кончили молиться и пошли. Никто и не видел, никто и не обратил внимания, когда я ее (икону. – Г. М.) стащила. И пошла. А когда к людям подошла, тоже иконку держу. Батюшка увидел и говорит: "Девочка, где ты иконку взяла?" – "В церкви". – "На что ж ты взяла-то?" – "Ну, все с иконами, и я". – "Ми-лышка!" А она порядочная, мне руки больно. А я маленькая. Он говорит: "Женщины, возьмите, возьмите у дитя". Маленькая, шесть лет, седьмой. Ну, взяли. Слава Богу, хоть взяли. Мне руки больно. Идем, пришли. Километров за восемь. Долго дождя не было. А уж Бог Господь дает дождичка. Вот пошли. Встретили Николая Угодника и, значит, идем. Ну, все кланяются, все. Ну, пришли, в церковь поставили. Прихожу домой. И дождичек такой прошел, слабенькой, а хороший, ровненькой. [Мать говорит:] "Мань, – говорит, – пойдем пополем семечку. Там конопли заросли". – "Ма, такой праздник, – а была 10-я пятница, – ма, такой праздник, встретили Николая Угодника, дождичку Господь дал, а мы грешить пойдем". – "Да мы немножко, Мань". Мать была сердитая, больше приставать нечего, ну и замолчала. Ну, все же пошли на огород. Туды прошли заходик и оттуда, обратно. Ну, и, наверное, ей дошло, что, правду, не надо, и говорит: "Ну, ладно, Мань, ступай гуляй, а я пойду ляжу отдохну". – "Ну и правильно, ма". А! Когда приступили мы работать, сели, она нагнулась, наклонилась и говорит: "Господи, дай, Господи, скорости и легости". А я отошла от нее подальше, а то ударит, и говорю: "Дай Бог, чтоб у тебя тут ничего, ничего не родилось". – "Ты что ж, дура, так молишься!" – и молчок. И два заходика прошли. И что ж, я вам говорю, всем-всем, на память, все, кто пожилые, все знают. Эти два захода – как сели, вот такие, вот и все. Не растут. И конопли есть, и головки семечек есть, и семечки там есть,

а они-то вот такие [маленькие]. Мать говорит: "Господи, бабы, Манька Господу Богу сказала вот так... Так что я теперь никогда на праздник не работаю – грех... И другу-недругу заказываю. Это Господне наказание". Отцу начала говорить: "Матвей, ну, что же такое у нас с коноплями?" Он говорит: "Ну, что же, раз Манька святая, слушайся теперь ее. Раз ее молитва до Бога доходит, теперь ты ее слушайся"»³⁵.

Так вся Куликовская земля освящалась местными святынями.

* * *

В истории Куликова поля был и крестный ход всеуездного масштаба, объединявший в соборной молитве тысячи жителей района. Это – крестный ход на Красный холм, где с 1901 г. в день Куликовской битвы, 8 сентября (по старому стилю), у столба-колонны, увековечившей память павших в сражении, совершалась торжественная панихида. Пока вблизи Красного холма не был построен храм прп. Сергия Радонежского (освящен в 1918 г.), всенощная накануне памятного дня и литургия в самый день совершались при участии Тульского архипастыря в церкви Рождества Богородицы с. Монастырщины, поставленной, по преданиям, на костях погибших. Помимо лиц, сопровождавших Владыку, в Монастырщину съезжались тульские хоругвеносцы, слушатели педагогических курсов, обыватели г. Епифани и местные помещики, а прихожане двенадцати окрестных сельских храмов шли сюда крестными ходами. По некоторым известиям, на Красный холм приносили и резной образ свт. Николая из Епифанского собора. После литургии объединенный крестный ход во главе с духовенством церкви с. Монастырщины направлялся на Красный холм (за 8 – 9 верст), где его встречали уже прибывший на холм Владыка и толпы стекавшегося со всей округи народа, шедшего встречным крестным ходом. Более 5 000 человек собирались на великую панихиду, среди них, как отмечает наблюдатель, было гораздо больше простонародья, чем интеллигенции, причем простой люд проявлял глубокое понимание происходящего. «Во время пения "Со святыми упокой", когда многочисленный сонм священнослужителей и весь собравшийся народ преклонили колена и когда чувства и мысли всех как бы слились в одну общую народную молитву о павших здесь древних борцах, – в это время переживались великие минуты единения мира небесного и земного, духовной связи живых и умер-

³⁵ Мелехова Г. Н. Отчет 1998 – 1999 гг. Раздел «Православие». С. 30 – 31; Она же. Отчет 2000 г. С. 92 – 93; Она же. Православные традиции русской деревни в XX в. (по полевым материалам Каргополья и района Куликова поля) // ИВ. М.: Воронеж. 2000. № 1 (5). С. 139 – 140 (приведенный эпизод в этом издании опубликован частично).

ших», – пишет участник торжеств в 1903 г.³⁶

Торжества на Красном холме помнят и наши современники, а днем, в который они туда ходили, называют 10-ю пятницу по Пасхе: «Была на Памятнике, на Красном холму. Молодая раз ходила, двое детей, обои маленькие, одной 3 года было, другой – 5 лет³⁷. Я их за ручку взяла и ходила. Мы пришли – я не скоро с ними доплюхалась, – там люди-то! И вот Березовка туды ходила, епифанские попы ходили, там что было – там мурашки и слезы. Служба какая была – ой!.. Туда ходили – на 10-ю пятницу. От Пасхи 10-я пятница – вот и почитали Памятник. Все – на Памятник»³⁸.

В наше время поминование павших в день Куликовской битвы на Красном холме восстановлено, нередко панихида служит сам Патриарх. А летом 1999 г., в ознаменование 200-летия Тульско-Белевской епархии, был совершен многодневный крестный ход от Куликова поля (из с. Монастышины) – через Тулу – к Макарьевской Жабынской пустыни под Белевом – и далее до Свято-Введенской Оптиной пустыни. Девизом участники этого крестного хода выбрали слова: «От святыни силы – к святыне духа, от Куликова поля – до Оптиной пустыни»³⁹.

* * *

Приводимые факты, выявленные при изучении архивных и опубликованных источников, сборе полевого материала, лишь с определенной стороны касаются давней и развитой традиции народной религиозной жизни – крестных ходов. Фактически они раскрывают одну из форм массового почитания икон – движение с особо чтимыми иконами. Это движение было соборным деянием, включавшим в себя всех и вся и сопровождавшимся молитвой воистину «едиными устами и единственным сердцем» к Всевышнему, Богоматери, святым. Бывшие важной частью русской духовной жизни, такие крестные ходы ярко выявляют активный характер веры и глубину религиозных убеждений русских: по своей инициативе общество поднимает икону, несет труды по ее перемещению, молится и свято верит в заступничество и помощь. При этом исцелений и помощи ждут от Спасителя, Богородицы, Николая Угодника, то есть в молитве восходят от видимого образа к Первообразу, запечатленному на иконе. Как писал Ф. М. Достоевский, «народ русский в огромном большинстве своем православен и живет идеей православия в полноте»⁴⁰.

³⁶ Посетитель. Торжество на Куликовом поле 8 сентября // ТЕВ. 1901. № 19. С. 716 – 727; Из епархиальной жизни: Торжество 8 сентября на Куликовом поле // ТЕВ. 1903. № 24. С. 816 – 817.

³⁷ Информатор 1913 г. р., то есть дело происходит в 1930-е гг.

³⁸ Мелехова Г. Н. Отчет 1998 – 1999 гг. Раздел «Православие». С. 7.

³⁹ Впервые в России. Крестный ход «Русь соборная». Тула. 1999.

⁴⁰ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М., 1999. С. 711.